

С тех пор Хуа Маньлоу всегда брал Тан Мочэня с собой, куда бы он ни отправился. На этот раз он категорически отказывался оставаться, боясь, что история повторится?

— Сяо Чэнь, брат Хуа скоро вернётся. Место, куда мы отправляемся, немного опасное. Остайся здесь, хорошо?

Ситуация до сих пор не прояснилась. Хотя Лагерь Десяти Дымов и пользовался неплохой репутацией в мире боевых искусств, они всё же оставались группой разбойников. Если бы дело дошло до конфликта, неизвестно, как бы они поступили. Хуа Маньлоу и Лу Сяофэн были сильны в боевых искусствах, но они всё же беспокоились, что не смогут уследить за Тан Мочэнем. Хотя Хуа Маньлоу уже смягчился, он всё же не собирался брать его с собой.

— Нет, я могу защитить брата Хуа. Хотя я и маленький, но я очень сильный убийца.

Крепость Тан была известна своими купцами, и им не нужно было зарабатывать убийствами, но это была профессия, унаследованная с самого основания Крепости. Теперь это стало их образом жизни в мире боевых искусств, и мечтой Тан Мочэня было стать таким же великим убийцей, как его учитель.

Хуа Маньлоу не ожидал, что Тан Мочэнь хочет стать убийцей, и его брови нахмурились. Это было не из-за отвращения к убийствам, а из-за того, что жизнь убийцы была полна опасностей и скрывалась во тьме. Он не хотел, чтобы этот ребёнок, которого он искренне любил, жил такой жизнью. Хуа Маньлоу открыл рот, чтобы что-то сказать, но его прервал Лу Сяофэн.

— Хуа Маньлоу, просто возьми его с собой.

— Но на этот раз мы...

— Ты же знаешь, как хорошо Сяо Чэнь владеет техникой лёгкого шага. Если мы оставим его здесь, он сам тайно последует за нами, и никто его не остановит.

Главное, если на этот раз они не возьмут его с собой, этот маленький проказник, конечно, не станет злиться на своего брата Хуа, но Лу Сяофэн точно станет объектом его гнева. Когда они вернутся, неизвестно, что он с ним сделает. Хотя Сяо Чэню было всего семь или восемь лет, его арсенал отравляющих веществ и методы их применения были поистине непредсказуемы.

Лу Сяофэн был расстроен. Ему и так непросто было помогать, а тут ещё и угрозы, и гнев.

— Пятый брат, действительно ли хорошо, что Сяо Чэнь поедет с нами?

Пятый брат Хуа отвёл Лу Сяофэна в сторону, и тот сразу же изменил своё мнение, согласившись взять Тан Мочэня. Шестой брат Хуа был уверен, что без вмешательства пятого брата это бы не случилось.

— Не волнуйся, Сяо Чэнь очень силён.

Хуа Маньлоу, изысканный молодой господин, богатый, сильный в боевых искусствах, с прекрасной фигурой и лицом, был невероятно добрым и мягким человеком. Хотя он был слепым, те, кто его знал, понимали, что его повседневная жизнь ничем не отличалась от жизни зрячего. Как богатый молодой господин, он, конечно, жил в окружении слуг.

Поэтому многие женщины мечтали о его красоте и богатстве. В главное поместье семьи Хуа они, возможно, и не могли попасть, но переезд Хуа Маньлоу в Башню Ста Цветов дал им

множество возможностей. Ведь Башня никогда не закрывалась и была открыта для всех, кто нуждался в помощи.

Причины, по которым женщины приходили в Башню, были самыми разнообразными: кто-то заблудился, кто-то убегал от преследователей, кто-то избегал навязанного брака, кто-то сбежал из публичного дома, а кто-то впервые спустился с гор и случайно забрёл туда.

Когда эти новости дошли до семьи Хуа, они чуть не отправили охрану, чтобы защитить ворота, но Хуа Маньлоу отказался. Его ум был ничуть не хуже, чем у Лу Сяофэна, и он легко распознавал их намерения. Поэтому все попытки обмана были раскрыты, и Хуа Маньлоу, конечно, не попал в ловушку.

Хотя женщины продолжали настойчиво пытаться, все их усилия были тщетны, и они получали предупреждения от семьи Хуа. Если надежды не было, то зачем навлекать на себя гнев семьи? Поэтому, хотя многие продолжали заглядывать в Башню Ста Цветов, придумывая различные предлоги, никто не решался применить решительный метод «готового риса». Хотя, учитывая характер седьмого сына семьи Хуа, этот метод, если бы он сработал, точно сделал бы их хозяйкой дома Хуа, но последствия были бы ужасными.

После прихода Тан Мочэня число женщин, посещающих Башню Ста Цветов, значительно сократилось, и сейчас их почти нет. Причина, конечно, была в Тан Мочэне. Хотя из-за его возраста Хуа Маньлоу запретил ему использовать сильные яды, различные шутливые зелья и снотворное не были запрещены.

Что больше всего ценили женщины? Конечно, свою красоту. Однажды одна женщина с прекрасными чёрными волосами встретила Тан Мочэня, и все её волосы, включая брови, выпали без остатка. Она три месяца не выходила из дома и с тех пор обходила Башню Ста Цветов стороной.

Другая женщина имела кожу, белую как снег, нежную и упругую, как у младенца. Но однажды её кожа внезапно стала похожа на кожу шестидесятилетней старухи. Хотя через семь дней она восстановилась, это событие оставило глубокий след в её душе. Так появилась ещё одна женщина, обходившая Башню стороной.

Остальные члены семьи Хуа только слышали об этом, но пятый брат Хуа видел это своими глазами. Поэтому он не считал, что Тан Мочэнь подвергается какой-то опасности, и даже видел в нём помощника.

Когда они добрались до территории Лагеря Десяти Дымов, уже был полдень. Солнце стояло высоко, и чтобы быстрее решить проблему, троица Тан Мочэня двигалась в спешке. Поэтому в последние дни они плохо ели и спали. Прибыв на место, они сразу же нашли главного управляющего семьи Хуа в этом районе.

— Седьмой молодой господин.

— Как обстоят дела сейчас?

— Никакого прогресса.

— Организуйте нам жильё и еду, а также подготовьтесь к моему визиту в Лагерь Десяти Дымов.

— Это... Седьмой молодой господин, это слишком опасно. Пусть лучше кто-то другой пойдёт.

— Нет, я пойду сам. И не нужно никого отправлять со мной.

Вскоре подали обед, и после еды Лу Сяофэн отправился в свою комнату отдыхать, а Хуа Маньлоу и Тан Мочэнь направились к Лагерю Десяти Дымов. Управляющий хотел что-то сказать, глядя на уходящих, но Хуа Маньлоу и Тан Мочэнь вызывали у него беспокойство. Поэтому он всё же отправил несколько человек следовать за ними.

— Вернитесь, не нужно следовать за нами. Не волнуйтесь, со мной ничего не случится.

Хуа Маньлоу сразу же заметил людей, идущих за ними. Он понимал, что управляющий боялся, что с ним что-то случится, и это будет на его совести. Но с его боевыми навыками присутствие этих людей только усложняло бы ситуацию.

— Хорошо, седьмой молодой господин.

Обнаруженные, они не могли больше следовать за ним и вернулись к управляющему.

Когда Хуа Маньлоу и Тан Мочэнь добрались до Лагеря Десяти Дымов, их сразу же окружили. Но когда все увидели, что прибыли слепой и ребёнок, они немного замешкались.

— Говорят, Лагерь Десяти Дымов славится своим благородством и справедливостью. Почему же теперь вы обижаете слепого и ребёнка?

— Прекратите! Пусть главарь их пропустит.

Хуа Маньлоу использовал внутреннюю силу, чтобы его слова разнеслись далеко, и все в Лагере услышали их. Это был прямой вызов. Хуа Маньлоу знал, что если бы он не поступил так, им пришлось бы прорываться силой, чтобы встретиться с главарём. Хотя он и мог бы это сделать, это лишь углубило бы недопонимание. Вскоре кто-то вышел, чтобы проводить их внутрь.

— Хуа Маньлоу из семьи Хуа в Цзяннане приветствует главаря Хэ.

Хуа Маньлоу держал Тан Мочэня за руку, а в другой руке держал веер, который он медленно разворачивал перед собой. Тан Мочэнь, подражая ему, достал из своего рюкзака «ветерок». «Ветерок» был наградой за выполнение пятидесяти заданий для игроков, а Тан Мочэнь, как уроженец Цзянь Сань, имел свои привилегии, поэтому у него были такие забавные предметы, как «ветерок», «слюни», «тени свечей» и другие.

В зале Лагеря Десяти Дымов стояли две фигуры: одна в белоснежных одеждах с белым веером в руке, другая — в синем боевом костюме с чёрным веером. Хотя на лице Тан Мочэня была серьёзность, его попытки подражать Хуа Маньлоу выглядели ещё более мило. Именно такую картину увидели обитатели Лагеря Десяти Дымов.

<http://bllate.org/book/16231/1458209>